

A vertical photograph of a dense forest of tall evergreen trees, likely spruce or fir, reflected in a calm body of water. The water is very still, creating a clear mirror image of the forest above. The overall color palette is dominated by various shades of green and dark tones from the water and shadows.

Элена Джованнетти

МЫ ЖИЗНЬ В ТИШИНЕ

Рассказ

Элена Джованнетти

Или жизнь в тишине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69274921

SelfPub; 2023

Аннотация

Короткий рассказ о хорошем одиночестве и дружбе с самим собой. После потери близких Виктор уезжает от привычной жизни и селится на лето у лесного озера, где находит новый смысл жить.

Элена Джованнетти

Или жизнь в тишине

Моё лицо испещрено солнечными морщинками, кожа обрела несмываемый загар. Мои руки напоминают пергамент, а ноги своими трещинами и грубостью похожи на слоновьи. Но здесь я понял, как счастлив жить в одиночестве.

Мой дом – не просто палатка на окраине леса, но состояние души, олицетворение меня как есть в тихом мире. Мне больше не важны погода, время и сезон. Будь то беспечный солнечный день, оглушительный ливень или трескучий мороз – мне тепло и уютно. Всегда. Одиночество... Это слово потеряло неприятный оттенок, хотя очутился я здесь, будучи в состоянии угнетённом и ища убежища, как больное животное. Теперь я с собой, я с миром. Я здесь и сейчас.

Год с небольшим назад я потерял близких, и эта потеря казалась бесконечной чёрной бездной, без надежды и жизни. Жил словно во сне. Автоматически выполнял свою работу, почти не занимался домашними делами. У меня постоянно болела голова, и я старался гнать от себя мысли о прошлой жизни с моими родными, с семьёй, где я не был одинок. Тогда я не знал, что у меня есть я. И лес.

Однажды я устал «болеть». Устал от долгого добровольного заточения в каменном мешке с причудами саморазрушения и тоски. Помню душный день, когда я нашёл в гараже

походную палатку и котелок, сел в машину и покатил вон из города. Мне нужен был новый смысл. Май выдался на удивление жарким. Работаю я удалённо, так что мне абсолютно всё равно, где это делать, был бы интернет. По мере того, как таяли в зеркале заднего вида силуэты высоток, а дорога открывала всё более пустынные горизонты, приходило понимание, что еду я никуда. И ничто меня не держит.

Не торопясь я ехал мимо деревень и городков, брошенных советских остановок, заправок с фурами на отдыхе, лесов, полей... Ехал долго. Останавливался только чтобы поесть и размять затёкшие ноги и спину. Одиночество преследовало меня так, будто в замкнутом пространстве машины были двое – я и оно. Я почти ощущал его физически, и хотелось гнать вперёд, убегая, избавляясь от этого гнёта на сердце.

В очередной раз выйдя из машины, я увидел на опушке леса указатель на деревню Брондуково. На другой стороне дороги дымил мангал кирпичной шашлычной. Она была размером с вагончик-бытовку, но гордо называлась "Palace". Тут же вертелся чумазый «король», по всей вероятности, да возлежал в тени меланхоличный пёс. Что ж, знаю по опыту прежних путешествий, что в таких вот местечках самое вкусное мясо и самое искреннее гостеприимство.

– Захады, дарагой, рад тебе! – приветствовал меня «король». – Внутрь не надо, давай сюда, на задний двор, там не жарко.

Он провел меня под навес позади «дворца». Небольшая

площадка со всех сторон была огорожена низким бревенчатым заборчиком. Здесь стояли длинные деревянные столы и лавки вдоль них. То ли они были предназначены для больших компаний, то ли олицетворяли собой привет советскому прошлому, когда всё было общим, а люди едины.

– Садыс, дарагой! Лучший шашлык тебе сейчас принесу! – заявил хозяин и исчез.

Я осмотрелся. Слева от меня высился вековой сосновый бор, справа бытовка-дворец, а в бескрайнюю даль бежали гонимые вольным ветром волны пастбищ и засеянных полей. Стрекотали кузнечики, доносилось пение птиц. Лишь изредка взметали пыль к небу пролетающие мимо машины. Зной.

– Дарагой, ты у меня один гость за сегодня, так что кушай, отдыхай с дороги, всё для тебя! – объяснил ситуацию хозяин, ставя на стол большое блюдо. – Куда путь держишь?

– Да... В общем, никуда, – пробормотал я, разглядывая яства в промышленных количествах, предназначенные мне одному. Лаваш, шашлык на пять взрослых мужиков, овощи и зелень источали немыслимый аромат и приглашали остаться во «дворце» навек.

– Как так – никуда? – шашлычнику было явно скучно, и он обрадовался внезапному собеседнику. Вытер руки о когда-то белый фартук, присел на скамью напротив и подпёр кулаком лицо. – Меня Бердо зовут люди.

– Виктор.

– Да вот, поехал, куда глаза глядят.

– Это ты хорошо поступил. – Его глаза сделались понимающими, и он склонил голову набок. – У нас тут знаешь, какие места! Самые лучшие у нас тут места!

– Да? – я уплетал мясо, расспрашивать не хотелось совсем, пусть сам.

– Канэшна! У нас тут река – вот такая глубокая, вот такая широкая! – замахал он руками. – А лес! Первозданный! Бескрайний! Глухой и богатый грибами, зверями и вообще!..

Тут рассказчика захлестнули эмоции, и он стал говорить что-то быстро-быстро на непонятном мне языке.

– Подожди, – говорю. – Может, вместе пообедаем?

– Ты, что же, думаешь, я свой шашлык не кушаю? – приложил правую руку к сердцу, а левой сделал останавливающий жест. Вот уж не ожидал я такой реакции.

– И в мыслях не было! – как можно горячее заверил я.

– Ну, тогда погоди, сейчас вина принесу. Из Грузии! Домашнего! Тётка Нана прислала.

– Нет-нет, я за рулём! – пытался остановить его я.

– Вижу, ты уже приехал, дарагой, – хитро глянул на меня хозяин и скрылся за пластиковыми занавесками. Под крышей жужжали сонные мухи.

Кем был тот пожилой грузин в выцветшей рубашке и глубокими морщинами на загорелом лице? Теперь мне кажется, его послало мне Провидение или что там управляет нами сверху, чтобы он остановил меня в моём бессмысленном поиске и направил туда, где я нашел свою тишину. Не могу

объяснить себе иначе тот мимолётный эпизод.

Мы проговорили с ним до заката, в тот день он заставил меня выплакать всю душу до дна. Он рассказывал о чудесной в его детских воспоминаниях Грузии, в которую он так мечтает однажды вернуться. Ещё в советское время родители привезли его в районный центр, где он и вырос, учился, женился, а потом...

– Я не знаю, как оказался на этой обочине – дороги... жизни... Наверно, забыл, куда шёл, за чем шёл. Вот и смотрю теперь на пролетающие мимо чужие стремления.

– Одиноко тебе?

– Одиноко... Не задумывался об этом. Но, видимо, пора вспомнить, кто я и где моё место...

Больше он не говорил ни о себе, ни о своих планах. А потом я узнал, что он заколотил «дворец» и уехал, ничего никому не сказав.

Вино тётки Наны действительно оказалось хорошим, оставив мне на утро лёгкую беспечность и бестолковую полуулыбку. Может, я и был всё ещё слегка пьян, но тяжесть на сердце как будто потеряла в весе. Бердо настоятельно велел ехать на большое озеро, что находится за Брондуково, поскольку там лучшая рыбалка, а в соседнем лесу полно грибов. «Разум потеряешь, когда начнётся клёв!».

Он снабдил меня удочками и едой с собой, «чтобы не отрываться по пустякам», и, попрощавшись, пошёл разводить угли. Миг, когда я видел его белую спину в дверях подсобки

в последний раз, стоит перед глазами.

Просёлочная дорога подбрасывала на ухабах, крутила по полю, вела к лесу на горизонте. Озера не было видно, хотя уже добрался до окраины и встал перед знаком «Проезд запрещён». Что ж, значит, дальше пешком.

Я шёл по старому лесу и с удивлением чувствовал, как легко мне дышится. Впервые за долгое время. Я забыл это ощущение... Знаете, когда нет ни страха, ни сомнений, ни печали. А только и хочется совершать открытия, стремиться, лететь вперёд, и на душе солнечно и невыносимо радостно. Невозможно было выразить ту радость, ведь рядом не было ни души. Некому. И я раскинул руки и пошёл быстрее, а потом и вовсе побежал по тропинке сквозь тенистую чащу.

Вдруг яркий свет ослепил меня, и я замер. Передо мной лежало то самое озеро, и было оно сказочным. Тихая рябь метала серебряных солнечных зайчиков мне в лицо, на волнах качались утки, шелестел уютно лес. Мне казалось, что я один в мире. И впервые ощутил, как хорошо может быть одному.

В первый день своей лесной жизни я быстро устроил лагерь на ночлег, наудил рыбы и не знал, что делать дальше. От меня ничего не требовалось, я ничего не обещал, мне было некуда спешить. Я просто не знал, куда себя деть. Позже, со временем, я научился жить в ритме мироздания. Двигаться и дышать вместе с Вселенной. Тогда же и до вечера не дотянул, как завалился в палатке спать и проспал до следующего

утра.

В следующие дни я бестолково шатался по деревне и окрестностям, собирал грибы и ягоды и пытался занять себя хоть чем-то, лишь бы не оставаться наедине с мрачными мыслями. Не оставаться один на один тоской.

Но природа учит доверять. Постепенно я научился забывать о режиме и подчиняться правилам светового дня. Вставать с рассветом, ложиться на закате и мирно спать всю ночь. Я забыл, что такое головная боль, преследовавшая меня раньше неотрывно. Выяснилось, что моя продуктивность повысилась, и теперь я могу работать всего по несколько часов в день, выезжая лишь иногда в деревню за бензином для генератора электричества, чтобы зарядить ноутбук. Связи хватало. Остальное время принадлежало мне, и я учился быть с собой. Доверился.

И полетели дни. Ощущение свободы было непривычно, и я не знал, что можно не торопиться. Я не строил планов, не собирался возвращаться в какой-то определенный день, но всё равно старался успеть отдохнуть. От работы, от бесконечной усталости, в которой до того момента не отдавал себе отчёта.

Я работал уже часа по три в день, но постоянно отвлекался от экрана ноутбука. В зарослях камыша я нашёл старую лодку наполовину в воде. Вытащил её на берег и перевернул, чтобы обсохла. У неё оказалось пробитое дно, но она была ещё крепка в целом. Не знаю, зачем я это сделал, но потом

стал проводить много времени, просто сидя «по-турецки» и глядя в зеленоватую рябь озера. Рыбу удил, варил её в котелке. Сидя на краю лодки, я смотрел, как вдруг низко-низко полетели птицы над водой. Как приплывают утки к самому берегу и подолгу плещутся в тёплом мелководье. А иногда видел, как на противоположный берег выходил большой заяц.

Мимолётные эпизоды естественной жизни вокруг увлекали меня куда больше скучных строчек на экране. Через силу я выполнял должное, стараясь уменьшить время за ноутбуком. А в июле просто взял бессрочный отпуск «по семейным обстоятельствам». Природа мягко учила не спешить, дышать.

Постепенно я стал просыпаться с рассветом и ложиться на закате. Я вспомнил, что мне нравится подолгу не вставать с постели, а просто лежать, потягиваясь и обретая бодрость. Раньше я вскакивал по звонку будильника, от чего и пребывал в вечно дурном расположении духа. Теперь мои утра стали расслабленными и уютными. Я стал строить свой день в соответствии со своими внутренними ритмами, а не внешними обстоятельствами.

В одно такое утро я услышал кукушку где-то совсем неподалёку. Её громкое "ку-ку" перебивало утренний гомон птиц. По привычке я спросил:

– Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось?

Этот шуточный, где-то будничный вопрос вдруг отрезвил,

окончательно вырвал из сна.

Сколько. Мне. Осталось. Жить. Вопрос.

Я сел. Посмотрел на свои руки, попытался найти себя в этом мире. Мне тепло, глазам ярко, спина немного затекла от долгого сна в одной позе. Это – моё тело, о котором за бесконечной тоской по прошлому, по родным я забыл. Ещё я забыл о себе самом. Давно не чувствовал, что жив. Не испытывал искренних эмоций; натянутый смех и внешняя весёлость в общении с другими – не в счёт. Я забыл свою радость, видел только боль. Забыл и думать об усталости, а я очень, очень устал вот так не жить. Я, сам по себе, моё истинное Я – меня у себя больше не было. И стало мне горько и как будто легче одновременно.

Сколько. Мне. Осталось. Жить.

В той машине мог быть и я. Я остался дома в последний момент, и если бы не сделал этого, мог погибнуть вместе с ними. Признаться, я желал себе смерти – вместо них. Меня неотступно преследовали чувство вины и вопросы без ответа: почему не я, почему они? И где-то на фоне – зачем мне жить без них?

И вдруг я понял: то же, что случилось с ними, может произойти и со мной. Не важно, как. Моя жизнь может остановиться вот прямо сейчас. А мне, оказывается, очень хочется жить... В тот момент исчезли звуки, вокруг меня словно образовался вакуум, в котором билась одна мысль, – очень хочется жить. Мне нужно было себя простить и разрешить

себе радость.

Я выбрался из душной, нагретой уже солнцем палатки и ступил босыми ногами на свежую траву. Кожа ощутила холодное влажное прикосновение, захотелось разнести его по всему телу. Я провёл ладонями по росе и умыл влагой лицо. Вдохнул так глубоко, как только мог. Ну, здравствуй, новое солнце, здравствуй, новый день. Мне можно радоваться. Мне можно жить.

Оставшееся лето звало за собой. Я вёл себя, как мальчишка: бегал с визгом по ледяной утренней воде, нежился в солнечных лучах на тёплой траве, гонял уток и прыгал с лодки «бомбочкой» в воду. Лазал на деревья, чтобы посмотреть сверху – вдруг увижу что-то интересное. Одиночество перестало тяготить. Теперь у меня есть лучший друг, который будет всегда со мной – я сам. Принятый, понятый, чувствующий силу поддержки и прощения. Витёк.

Августовские ночи полны звёзд и мечтаний. Тихий треск поленьев в костре, тепло от пламени, заставляющее подобрать к себе ноги, летящие в небо искры... Я был один, я был с собой, и лёгкая улыбка не покидала моего лица. Я научился жить в своей тишине, и стало мне спокойно в ней.

Я построил себе домик на дереве и сидел там с ноутбуком на коленях, пока не заканчивался заряд. Я придумал себе новое занятие – писать рассказы. Вот этот несмелый текст я написал первым за всю жизнь, если не считать школьных сочинений. Писал его, устроившись на своей старой лодке

на берегу. И понимаю, как мне нравится это ремесло. Писательство льётся во мне точно в новый ритм моего дыхания. Когда пишу, я будто бы лечу...

В сентябре я стал замерзать по ночам, а старая лодка всё реже бывала сухой. Стал чаще накапливать протяжный дождь, и птицы молчали где-то в ветвях. Пора было возвращаться. И мне не было страшно. Собрав свой небольшой летний лагерёк, я погрузил скарб в машину и оставил ставшую родной поляну на берегу лесного озера. Проехал деревню, выбрался на трассу. Остановился возле указателя Брондуково. Посмотрел какое-то время на заколоченный «Palace», вспомнил его «короля», усмехнулся. Я возвращаюсь домой, в шумный, безумный город. Там моё место, но я увожу с собой тишину жизни в лесу.